

ЖИВАЯ АКАДЕМИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Витамина Мятная

Живая Академия

Серия «Мертвая Академия», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27624128

SelfPub; 2022

Аннотация

Меня зовут – Вита, – жизнь, и я – попаданка! Я попала в другой мир в Мертвую Академию, оказавшись единственной живой в мире нежити. Хитрый Лорд Директор заключил со мной договор, я стала фамильяром адепта-вампира. Моя задача убежать от Демона, связавшего меня чем-то более крепким чем заклинание подчинения, – страстью, желанием, необходимостью, а после жестоко предавшим. Поймай меня, мой любимый, если сможешь. Эта история о любви, которая сильнее всего, даже смерти.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Новолуние	6
Дневник лорда Дементоса Фаллейя	19
Месяц первый	21
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Витамина Мятная Живая Академия

Предисловие

Среди крестов и обрушившихся могил есть старинный монастырь, некогда принадлежавший магам-некромантам. Вокруг многовекового строения до самого горизонта раскинулось кладбище погибшей надежды. В лучах дамы Луны темнеют башни, скрывающие в себе невольников.

Но не стены держат их в заточении, а их сущность. Все живущие в древних стенах – мертвецы. Этот монастырь – тюрьма для добровольного заточения. Тела их свободны даже в застенке, а души держит в своих руках сама смерть. У каждого из них свое прошлое, но у всех одно будущее и одна-единственная надежда найти свою истинную любовь.

Имя этой темницы – Мертвая Академия. Место, где обучаются жизни. Дом для сотен некромантов-мертвецов.

Новолуние

Я звала, но в этот раз никто не появился. Я старалась уснуть, но вскоре поняла: без Демона сон не приходит. Без него тоскливо, холодно, одиноко. Он нужен как воздух, как пища, как жизнь. Остаться в ледяном гробу, в пустой и гулкой башне с покосившейся протекающей крышей выше моих сил.

Закутавшись в одеяло, в ночной рубашке и босиком я вышла из башни на поиски.

Коридоры академии безлюдны. Адепты завалились спать пораньше. Время от времени, остановившись, я закрывала глаза и прислушивалась к далекому зову. Он вел меня. Но звук был не такой, как колыбельная, напеваемая вампиром, а резкий, отрывистый, похожий на крик. Будто кто-то выл в ночи от боли, от тоски, пожираемый изнутри отчаянием и безнадёгой.

Лестница вела вниз в подземелья. Старый монастырь хранил в себе заброшенные кельи первых магов-некромантов, поселившихся в этом месте. Бесчисленные темные коридоры, извилистые катакомбы, глухие каменные мешки и где-то там, в темноте крик, зов, что тянул меня, призывал и влек.

Хотелось побежать, найти и обнять. Прижать к себе, согреть. Успокоить, дать надежду, сказать, что не все еще потеряно, мы вместе, я рядом.

Крик стих, воцарилась тишина, только звук дыхания во тьме и глухой шелест капающей воды.

Внизу подвал, темный и мрачный. Сырые ступени холодили босые ноги. Осторожно спускаясь, я зажгла крошечный огонек пламени, все, на что способна. В ответ на желание света на стенах начали сами собой вспыхивать факелы.

Мне ничего не оставалось, кроме, как идти вперед. Провожаемая вспышками, я вступила в настоящий лабиринт ходов и комнат.

Меня вел зов.

В конце очередного коридора тупик. Дальше хода нет. Его преграждает нагромождение, вмурованное в стену. Рваная решетка с кривыми погнутыми прутьями, неровно, криво сваренная из кусков. Из толстых железок вовнутрь торчат острые кованые шипы.

Я подошла к странному сооружению, провела пальцем по опаленному металлу. Кожа испачкалась копотью и гарью. Под снятым слоем пепла оказался заговоренный метал из магической руды с микроскопическими сверкающими кристалликами. Такую неприступную дверь не взломать, не выдать магией, не повредить чарами.

Я всмотрелась внутрь. За решеткой непроглядная тьма, мрак и гулкая бездна.

Свет догнал меня. За спиной вспыхнули факелы, еще несколько совсем рядом и еще – у самой решетки, преграждающей вход. В помещении, которое я тщетно пыталась раз-

глядеть, слышались скрип, лязганье металла и плеск воды. Глухо загудело, потом по подземелью пронесся свист нагнетаемого воздуха, и яркая вспышка озарила все вокруг. В канавах, грубо выдолбленных в полу, горел призрачный огонь.

Линии и разломы складывались в очертания. Проследивая их глазами, я считывала знаки. Это была огромная печать. Она сдерживала, усыпляла, замораживала и обездвиживала умертвие, одновременно поглощая его силу и питаясь ей. Я различила с десятков редких подавляющих заклинаний для нежити. На дне подвала таилась пентаграмма-монстр, убийца мертвецов.

Я вздрогнула. Все это походило на хищного паука, притаившегося во мраке в паутине, ожидающего свою жертву. Заклинания работали, слышался гул, который усиливался.

Я задалась вопросом: кто добровольно шагнет в подобный капкан и зачем? Наверно, эта магическая тюрьма используется для опальных некромантов и особенно кошмарной нежити. Но голос Демона привел меня сюда, я не могла ошибиться, это был его вампирский зов, его я не спутаю ни с чем. Может, у адептов здесь ночная курсовая работа?

Мой взор скользнул дальше и задержался на алтаре посередине пентаграммы-ловушки. Взгляд остановился, тело окаменело. Глаза больше не видели пылающих чародейских знаков, я не могла отвести их от черного камня.

Пара.

Отчетливо видна с моего места у преграждающей доро-

гу решетки. Сплетенные тела. Его рука на ее бедре. Их тела покрыты капельками пота, сверкающими в свете пылающих факелов. Испарина, как янтарная пыль, покрывает прижатые друг к другу фигуры. Тени колышутся на бледной алебастровой груди ундины, которая ритмично вздымается, как будто девушка только что бежала.

Знакомые очертания второй фигуры, бледная кожа, копна черных спутанных волос и спина со шрамом в форме звезды.

Мышцы пошевелились, дернулись, вампир приподнялся, вздохнул. Откинул с лица волосы.

Издав тонкий призывный вздох, ундина встала и положила голову на плечо Демона, не давая ему подняться.

Глаза русалки смотрели прямо на меня, зрачок в зрачок. Прижимаясь щекой к бледному плечу, она медленно улыбнулась, рука ее накручивала на палец прядь черных, как смоль, волос.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «Я сама их мыла, а она трогает своими грязными руками». Вторая: «Не хочу смотреть. Не буду!»

Я развернулась и пошла обратно, потом побежала, не держа звук голосов.

Его голоса, того, что говорил со мной в ночи, в склепе. Вампир что-то спрашивал у утопленницы. А потом крик, мое имя:

– Вита!

Это стало последней каплей, все рухнуло, рассыпалось в

прах. И на развалинах поднималось нечто новое, страшное, доселе мне неведомое, черное.

Даже когда сердце разбито, оно все равно стучит в груди. Только от каждого удара становится нестерпимо больно, каждое его движение – как впившееся в плоть острое лезвие кинжала. И кто-то медленно проворачивает его вокруг оси.

Невыносимая пытка, хочется орать, громко, в голос, чтобы со звуком вытолкнуть из себя сжимающее грудь чувство, чтобы иметь возможность сделать еще один вдох.

Земля ушла у меня из-под ног, голова закружилась, мир сжался до узкой полоски в центре. Я бежала по коридору, перед глазами стояло только что увиденное, стены подземелий ушли на второй план. Бедная кожа, алая звезда, резко наискосок перечеркнутая царапинами от ногтей ундины.

Катакомбы остались позади, шаги громким эхом отдавались от стен пустынной академии, я бежала не скрываясь.

В одном из коридоров я наткнулась на Лорда Гипноса. Грубо врезалась в него плечом и пролетела мимо. Вслед мне понесся возмущенный вопль директора, моего фиктивного жениха:

– Что случилось? Куда вы, адептка?

Я не слышала его, бежала дальше.

Выскочив во двор, налетела на что-то мягкое и пушистое, впечаталась. Так и осталась стоять, окруженная успокаивающим серым коконом. Две твердые руки нежно взяли меня за предплечья и отодвинули, жестоко вырвали из пушистой

безопасности.

На меня в немом изумлении смотрел Тан. Я подняла на него слезящиеся глаза и буквально провыла:

– Укради меня! Забери меня, я хочу принадлежать тебе! – Руки вцепились в ошейник, стали дергать, в стигбы пальцев врезался металл, закапала кровь, на шее появились синяки. Содранная кожа стала сочиться кровью, пачкая ошейник.

Оборотень понял все без слов. Крупные пальцы нежно расцепили мои руки, чтобы я себя не покалечила.

Ухо волка дернулось, считывая чьи-то приближающиеся шаги. Меня спешно подхватили на руки и бросили вперед. Взяв разбег, следом за мной вервольф перекинулся в четвероногий вид и подхватил меня своей спиной.

На порог академии выбежали Дементос и Лорд Гипнос, чтобы увидеть наши удаляющиеся во тьму фигуры.

* * *

Руки мертвой хваткой вцепились в шерсть. Мышцы задигались и заработали, оборотень вмиг очутился у ворот, и, к моему ужасу, в один прыжок перепрыгнул через ограду. Задержался на вершине. Мелькнули острые наверхия пик.

Я обернулась только один раз: на ступенях Мертвой Академии стояла темная фигура, я бы узнала ее из тысячи. Зажмурившись, я уткнулась в серую шерсть, прячась от видения двух сплетенных тел.

Вскоре остались только дробный перестук мягких лап и биение большого сердца.

На рассвете волк выбежал на пригорок. С него открывался вид на огромный Темный лес, дикие, необжитые чащи, принадлежавшие разнообразной живности Темной империи. Мы вырвались из замкнутого мирка академии.

Над горизонтом вставало солнце нового дня, озаряя вершины черных деревьев. Яркий солнечный луч светил прямо в глаза, прогоняя все и давая надежду. Я выдохнула, пораженная красотой зажигающегося дня, и с новым вдохом отбросила все то, что было до этого рассвета.

Волк взглянул на меня и пролаял:

– Ты. Уверена?

– Да. Я хочу быть твоим фамильяром.

– Волчицей! – пролаял волк. – Мало. Время. Успеть!

Он в один гигантский прыжок спустился с пригорка, и мы углубились в лес. Солнце скрылось за густыми еловыми ветвями.

В темной чаще вервольф сбросил скорость, осторожно пробираясь сквозь густые переплетения ветвей.

Под моей спиной оказался мягкий лесной мох. Зеленъ резала глаз кислотным оттенком.

Я оказалась между двух жадных, толстых, как колонны, рук.

– Если ты молодая волчица, будет больно, – прошептал волк.

Мне было неважно, больнее, чем сейчас, уже не будет.

В мой мозг, подобно нарастающему вою турбин самолета, вклинился вампирский зов, свербящий, требующий вернуться, подчиниться. Настоящий приказ хозяина, усиленный магией. Он рвал меня на части, мучая, уничтожая мою сущность, принуждая, заставляя кричать в голос. Мой вопль боли потонул в жестоком и требовательном поцелуе. Стало легче, но ненамного.

Истинное облегчение наступило, когда, перевернув меня на живот, волк впился зубами в плечо, предупреждая побег и испуг. Из уважения оборотень перекинулся в двуногую человеческую ипостась. Возможно, чтобы не пугать звериным рычанием, но это не помогло, по звукам я понимала – рядом зверь. Дикий, не прирученный, опасный. Волк не сдерживался, издавал рычащие и хрипящие звуки. А я выгибалась, принимая грубые ласки, укусы и поцелуи. Оборотень не целовал нежно, он пожирал губами каждый участок моего тела, оставляя после красную, горящую от прикосновения кожу и неистовое, яростное возбуждение, огонь во всех частях тела.

Руки крепко прижимали меня. Шаловливые пальцы терли сосок, пощипывали и похлопывали по нему, заставляя стонать. Всей поверхностью спины и булочками я ощущала твердый мохнатый живот и мускулистую грудь волка. В его огромных сильных руках я была, словно маленькая игрушка, с которой не мог наиграться большой ребенок. Горячее

прерывистое дыхание обжигало ухо, когда зверь толчками двигался во мне. Мысли убегали, растворялись, зов стихал в голове, скрывался где-то далеко в уголке сознания. Мне оставалось только, войдя в ритм, издавать такие же хищные звуки.

Чем больше Тан овладевал мной, тем больше я сама превращалась в зверя. Мысли изменялись, становились резкими и прямыми, как линии. Поддаваясь ощущениям, я уже сама по-звериному ворчала и скулила.

Теряла контроль над собой, отдаваясь оборотню без остатка. Подчиняясь его сокрушительной воле. Выдохнув, я отпустила все чувства на волю и, изогнувшись, вцепилась зубами в его руку. Горячая соленая кровь хлынула мне в рот. С наслаждением я глотала обжигающий напиток. От укуса вервольф взревел и задвигался быстрее.

На меня нахлынули необузданные, первобытные переживания, тело сжала сладкая судорога, и еще раз, и еще.

Волны наслаждения накатывали, унося прочь и забирая не только мысли, но и ощущение себя самой. Это было подобно буре, морскому шторму. Первобытной силе, изначальной, той, что была до того, как появились цивилизация, притворство, лицемерие и обман. Это была сила, чистая, светлая, несокрушимая, истинная любовь в первом своем проявлении.

Растворяясь в бушующем океане, оставляя после себя только ликующие неистовство, я почувствовала, что грядет

девятый вал¹. Руки оборотня обвили мои плечи, ладони сжались в кулаки, чтобы не поцарапать, зубы нежно прикусили мое плечо. Волк уже не сдерживался, я закричала от удовольствия.

А потом остались только тишина и опустошение.

Открыв глаза, я почувствовала пустоту и облегчение. Секундное осознание, и до меня дошло, что я больше не слышу настырного крика в ушах. Не чувствую Демона. Вместо этого меня терзал голод. Волчий, звериный, дикий и необузданный.

А еще мы в лесной пещере, над головой потолок – переплетение корней и сучьев, а под нами природная постель из травы и листьев. Редкие лучики света пробивались откуда-то сверху, вокруг приятный полумрак, запах подлеска, прелой листвы. Мимо пролетел маленький нежно-голубой мотылек. Я пошевелилась, спугнув стайку пестрокрылых бабочек, взлетевших к потолку.

Повернув голову, я увидела Танатоса, огромного, как гора. Он лежал, подперев голову рукой. В темноте его глаза посверкивали лукавыми искорками, морда верchelфа довольно улыбалась.

– Соня, – обронил Тан.

«Я что, заснула?» – удивленно покосилась на волка.

¹ **Девятый вал** – распространенный художественный образ, символ роковой опасности, наивысшего подъема грозной, непреодолимой силы. Символ девятого вала исходит из старинного народного поверья, что во время морской бури девятая волна является самой сильной и опасной, зачастую роковой.

С локтя оборотня стекала струйка крови. На коже ясно проступали отпечатки человеческих зубов.

«Это я укусила», – пришло осознание. – «И еще одна мысль: так вот как становятся верчелфом и при каких щекотливых обстоятельствах можно быть укушенным человеком».

Ужаснувшись содеянному, схватила его руку, осмотрела запястье. У меня не было с собой вообще ничего, все вещи, лекарства, сумка остались в проклятой академии.

Тан мягко вырвал у меня локоть. Я чуть не упала вперед, не желая отпускать, собираясь перебинтовать хоть чем-нибудь – листьями, травой, своей одеждой. Она валялась рядом, разорванная на клочки варварскими действиями волка. Совершенно не помню, когда он снял ее с меня. Ошейник лежал там же.

– Надо торопиться, – коротко бросил оборотень, – это еще не конец.

Мое лицо вытянулось.

«Что, опять? Еще? Прямо сейчас?»

Верчелф то ли гавкнул, то ли кашлянул, видимо, это был смешок.

– Обязательно и много, – угадал он мои мысли, – но чуть позже. – Я покраснела до корней волос. Неужели по моему лицу так легко читать?

Надо заметить, несмотря на то что оборотень был очень осторожен, он все же немного придавил меня своей тушей. К

тому же мужчина он был крупный во всех местах, не только в размахе плеч. Я все еще чувствовала ощущения наполненности в том месте.

– Идем! – подхватил меня на руки волк. – Они уже близко, портал здесь.

Слова «идем», означали, что дорогу ногами перебирать будет он, а я – ехать у него на руках. Мне так и не дали дотронуться подошвами ступней хотя бы до травы. Он постоянно собирается таскать меня на руках? А не боится, что у меня ноги атрофируются? Немного подумав и рассмотрев в полутьме довольную морду верчелфа, я поняла: если атрофируются – будет рад, и да, с радостью станет таскать не отпуская.

Стены содрогнулись от удара, сверху посыпались корешки и прелая листва. Я в страхе прижалась к волку. Тан громко рассмеялся и шагнул вглубь зеленой пещеры.

Там был тупик, но на полу в траве росли грибы. Мы оказались в Ведьмином Круге. На полу неровно росли чахлые мухоморчики.

Вроде грибы как грибы, но что-то в них странное: то ли то, что ничто в природе не растет в виде правильных геометрических фигур, то ли красные шляпки, начинавшие светиться в темноте.

В вышине над нашими головами буйствовал и рычал неизвестный зверь. Куски кореньев, комья земли и щепки от деревьев летели в разные стороны, гигантский дуб, в корнях которого пряталась пещера, содрогался всем стволом. Свет-

лячки и мотыльки спрятались в зеленой траве.

Мне становилось страшно, и я не понимала, чего ждет волк. Ведьмин Круг засветился в полумраке в полную силу.

В потолке образовалась черная дыра, пробитая ударом кожистого крыла, оттуда на меня глянули два светящихся во тьме красных глаза. Вскрикнув, я уткнулась в широкую грудь, прячась от ночного ужаса.

– ОТДАЙ! – хриплый нечеловеческий рык.

– Она больше не твоя! – громко и отчетливо пролаял волк.

Вспышка, круг из поганок загорелся призрачным светом. Земля ушла из-под ног, открылся портал.

Мы провалились в неизвестность.

Дневник лорда Дементоса Фаллейя

Мышцы ослабли, потом обмякли, я в изнеможении рухнул на черный камень. Полосы света, обвивавшие мои руки и ноги как хищные змеи, мягко скользнули вниз и впитались заклятьем, которое держало меня, пока я выгибался от боли, а может быть, от осознания того, что не могу вцепиться клыками в шею, насладиться вкусом крови и утолить неудержимую жажду власти над своей жертвой. Приступ прошёл, моя любовь была в безопасности.

Безумие отступало, кроваво-красная пелена спадала с глаз. Сдерживающие заклинания переставали действовать. Пентаграмма на полу светилась обычным светом, а не призрачными всполохами в такт моим бешеным рывкам. На всем теле медленно заживали ожоги, содранные полоски кожи вставали на место и срастались.

Кажется, я не только рвался, как ненормальный, но еще и кричал. Хорошо, что надо мной тонны камня и вся академия, до спальных башен далеко.

Каждой клеточкой кожи я чувствовал новый зарождающийся серп луны. Свет солнца мертвых дает нам надежду и силы жить, ведь лучи обычного светила для нас, как удары тысячи кинжалов, вонзающихся в тело. Я выдохнул и расслабленно прикрыл глаза локтем: еще каких-нибудь полчаса, и я увижу ее.

Погруженный в мечты, я не заметил, как на плечо легло что-то тяжелое.

Я вскинулся. Это была всего лишь Селена. Она тоже умертвие, значит, опасности нет. Я облегченно уронил голову обратно. Мой тонкий слух зафиксировал шорох, потом шлепанье босых ног и drobный стук голых пяток по каменному полу.

Я спросил ундины, кто это был, но получил в ответ только издевательский смешок.

Реальность обрушилась подобно многотонной скале. Я понял кто убегал по коридору.

Крик боли застрял у меня в горле.

А потом... Потом стало уже поздно.

Месяц первый

Без него

Портал выбросил нас посреди чистого поля. Вокруг тишина, на многие мили никого нет. Олени, не ведавшие, что такое человек, с опаской подняли головы от воды.

Оглядевшись, я удовлетворенно кивнула. Далеко. Безопасно. Не найдут. Вервольф уткнулся в мои волосы и довольно втянул носом запах.

– Нам надо тебя спрятать, да так, чтобы кровосос не смог найти.

Я с благодарностью прижалась к Танатосу, он стольким рисковал ради меня.

– Как ты относишься к волкам? – внезапно спросил он меня.

Что я могла ему ответить? Один из них сейчас обнимал меня своими ручищами, пальцы которых медленно подбирались к груди. Беглецам выбирать не приходится.

Разыскивая лесной портал, я опасливо озиралась, боясь погони.

* * *

Волчьи носы настырно тыкались в промежность, втягивая

воздух, знакомясь с новым членом стаи и чужим запахом. Прикрыться не было возможности, я была голой. Моя ночная рубашка осталась где-то там, в лесном гроте, разорванная жадными зубами верчелфа.

Испугавшись, я развернулась и вжалась в Танатоса, болезненно смущаясь своей наготы. Но волк непреклонно разжал мои руки, расцепил пальцы, развернул и легонько оттолкнул меня от себя в сторону любопытствующей семьи.

Правильно поняв мое замешательство, оборотни один за другим выгнулись и трансформировались. Передо мной стояла чертова дюжина рослых парней и девушек, все голые и как на подбор поджарые, широкоплечие и мускулистые.

Уши от стыда за всеобщую наготу загорелись еще сильнее и стали отсвечивать в темноте, как две лампы накаливания. Смущению моему не было предела.

А вот стоя перевертышей совсем не смущалась, парни и девушки с любопытством осматривали меня, толпились вокруг, трогали мою кожу и щупали волосы. Одна волчица даже ущипнула меня за бок, проверяя количество мяса на костях, и недовольно поморщилась. Видимо, я была недостаточно упитана.

Я кружилась в кольце, не видя выхода, уровень испуга нарастал. Внезапно рядом оказался Танатос, я почувствовала поддержку его крепкой руки.

Насмотревшись на меня вдоволь, стоя стала разбредаться по своим делам. Меня приняли в клан оборотней.

По длинной узкой расщелине мы прошли в небольшую пещеру. В клане был принят четвероногий образ. Все, в том числе и Танатос, редко перекидывались в двуногое состояние.

Раскрыв пасть, Тан глухо рыкнул, звук его голоса прокатился по подземелью, как приказ.

Из щелей полезли маленькие зеленые точки-светлячки, воспарили к потолку и превратились в светящийся зеленый шар. Он роился возле каменного потолка, освещая пространство. Я залюбовалась воздушным парадом. Оборотень рыкнул снова, огоньки рассыпались по пещере и затанцевали хороводы вдоль стен.

Похоже, они у него ручные и много фокусов знают.

Накрасовавшись, горящие малыши вернулись к своему занятию – освещению пространства, призрачный огонь вспыхнул ярче.

Внутри каменного мешка был целый меховой склад. Пол пещеры завален какими-то клочками. Нагнувшись, я подняла один из них. Это была маленькая шкурка волчонка, пушистая, с хвостиком.

– Это шкуры убитых вами врагов? – несмело спросила я у оборотня.

Волк чихнул, замотал лобастой башкой и закашлялся сме-

ясь.

Внезапно я услышала его голос в своей голове.

«Нет, это мои собственные шкуры».

– А-а... – понятиливо протянула я, хотя не поняла ничего.

После того как я стала его «самкой», невероятным образом слышала его мысли, это только подтверждало то, что мы теперь пара.

– Твои? – удивилась я и осмотрела довольно высокую кучу меховых кусков разного оттенка серого. – Так много.

Рядом послышался приглушенный звук: «Вфф!» Танатос трансформировался. Мелькнули голые, блестящие потом бицепсы, мужское достоинство, крепкие округлые ягодицы, и Тан отвернулся, чтобы пнуть ногой шкуру, очищая дорогу.

Я зажмурилась.

«Можно не смущать и не оголяться так внезапно, дитя природы?! У девушки от твоей стати голова кругом идет!» – подумала я про себя.

«Неужели когда оборотни трансформируются, они сбрасывают шкуру? Я такого за ними не замечала. Или это происходит у них, как сезонная линька?» Я несмело пощекотала пальцем большой ноги мягкий мех, он ответил мне тем же.

Крепкие руки подхватили меня под мышки и немного грубовато кинули на кучу. Я спружинила на шелковой нежности, подпрыгнула второй раз, когда беззаботный Тан плюхнулся рядом.

– Мы же перевертыши, – снисходительно объяснил вервольф. – Раньше, в древности, деревенские называли нас шкуровертами за нашу способность оборачиваться. Ну и за то, что, вырастая, мы сбрасываем старую шкуру и отращаем новую. Неприятное занятие, немного болезненное, но расти и увеличиваться в объеме все-таки приходится. Скинутая шкура оборотня очень ценится магами, потому что в ней остается часть силы вервольфа. Достать такую шкуру очень сложно, мы прячем их.

Тан сгреб охапку шкур вместе со мной. Бесцеремонность оборотня поражала, правда, это ничего не говорило о его нежности и заботливости. Но все-таки когда ему приспичивало что-то сделать на глазах у остальной стаи, он не церемонился.

Вот и сейчас он прижал меня к себе, положив голову на плечо, уткнулся носом в ложбинку между грудей, укрыв меня шкурой, и беззаботно захрапел. Небольшие сталактиты на потолке завибрировали.

Я недовольно выдохнула, вынула руку из-под тяжелого оборотня, растолкала шкуры, устраивая себе гнездо. Свернулась клубочком и в свою очередь клюнула волку в грудь носом.

Спустя какое-то время к моему тихому сопению присоединился храп Тана, сотрясающий своды логова.

Из всех знакомых оборотней мне больше всего нравилась старая волчица-шаман Ки. Старуха, только раз взглянув в мои глаза, сразу же и безоговорочно приняла меня в свою стаю, а еще она была такой же, как я. Обычной человечкой и попаданкой из Светлой Империи, это сразу сблизило нас и крепко связало.

Шаман учила меня разным вещам и старалась склонить меня к правильному, по ее мнению, решению. От Ки я и узнала, что мне осталось недолго.

Я должна была умереть.

Однажды шаман завлекла меня на прогулку далеко от логова под предлогом исследования произрастающих в долине лекарственных трав. Там, на поляне, полной редких растений, я и узнала страшную правду.

Я умираю.

Скоро мое сердце остановится. Легкие перестанут дышать, мое тело умрет и окоченеет, потому что яд смерти давно в моей крови.

Осознание было подобно удару молнии с небес. Ведь я помнила: не все умершие восстают. После того как глаза мои закроются, а тело остынет, душа освободится и пустится в бесконечное странствие среди звезд, у нее может не быть веской причины возвращаться обратно.

Но Ки завершила меня – шанс выжить есть. Кому, как не ей, точно знать об этом, ведь работа всех шаманов – общение с духами. Мне необходимо сделать выбор. Много лет назад Ки сделала подобный – стала оборотнем и ни разу не пожалела.

Я лежала на мягком боку волчицы и боялась вздохнуть, боль скрутила тело, ужас и страх неизвестности наполнили мои мысли. Ухо, прислоненное к боку шамана, не слышало стука сердца, оборотень давно была мертва. Чтобы выжить, Ки решила на укус волка и выбрала трансформацию в вервольфа.

Я вдохнула с болью, сжатые спазмом легкие набрали в себя воздух. В больших карих глазах смотрящей на меня волчицы были только сожаление, сопереживание и бесконечная любовь.

Второй вздох дался легче, я дышала, я жила... пока что. Заботливо обняв меня, волчица стала рассматривать поляну, журчащий ручеек, давая мне возможность смириться с мыслью, пережить ее и набраться сил для решения.

Шаман с маниакальной заинтересованностью смотрела на бледно-голубых мотыльков, порхающих вокруг, пока я, корчась в рыданиях, лежала на траве и старалась приглушить свой крик седой шерстью.

Когда я успокоилась, солнце стало клониться к закату. Я почувствовала слабый зов вампира, тоску одиночества и сильный, перебивающий все громкий призыв Тан: волк звал избранную самку.

Утерев слезы, я смирилась с неизбежным. Возможно, я знала, что умру, еще тогда, когда свалилась в открытую могилу в своем мире, или когда два острых клыка вонзились в мою шею.

Слизнув последние слезы с моего лица, Ки с криканьем поднялась на старые, уже не такие резвые ноги, мы вместе поплелись в логово, передвигаясь медленно, как улитки.

Оборотню я ничего не рассказала. Но подозреваю, он и так все знал, иначе бы не привел к таким же оборотням-мертвецам, как он сам, а нашел бы стаю живых перевертышей.

В следующую луну мы собирали с шаманом травы. Ки твердо решила сделать из меня лекарку, под ее присмотром я изучала местные лекарственные растения и грибы.

Я так привыкла к мудрому спокойному отношению волчицы, что решилась на вопрос, мучивший меня:

– Когда это произошло? – Волчица взглянула на меня, но сделала вид, что не поняла вопроса, нос ее обнюхивал пенек.

– Это случилось тогда, когда вампир укусил меня? – не унималась я. Мне нужен был ответ, неизвестность терзала похлеще блох. Если я его не получу, я собиралась пойти против своей совести и просто выбить его из шамана.

– А второй раз, когда ты слилась с оборотнем, – буркнула волчица, поняв, что я от нее просто так не отлипну. Она раскапывала лапой землю под пеньком.

Внезапно из гнилой бездушной деревяшки выстрелили

сверху гибкие побеги и вцепились в морду волчице. Шаман зарычала, а я, вскочив, бросилась на помощь. Под руку попался кусок камня: несколько ударов, и я раскрошила сухую древесину на щепки. Принимая свое поражение, побеги стыдливо втянулись внутрь, пасть хищника закрылась.

– Значит, умерев, я могу стать вампиром, или оборотнем? – уточнила я у Ки, потиравшей морду лапой.

– Большое количество тела монстра спрятано под землей, – прокомментировала волчица. Она говорила только то, что считала нужным.

– Нам надо будет его выкопать? – смирившись с методой обучения шамана, спросила я, с сомнением рассматривая то, что осталось от Кишкокрута. Я опознала темную тварь, виденную в книге монстров Темной Империи.

– Да, это молодая особь, проблем у нас не должно возникнуть, – ответила волчица.

– А зачем нам это? – плаксиво удивилась я. Я тут помираю, а меня за чудищами из Темной империи охотиться заставляют!

– Под ним то, что поможет тебе отодвинуть смерть. Кишкокрут всегда растет на Живице-грибнице.

Лопата вмиг оказалась в моей руке, а волчица шарахнулась от комьев земли, полетевших во все стороны.

Гигантская лапа легла на древко.

– Тише! Потревожишь грибницу, убежит еще! – У меня отобрали лопату и вложили в руки ма-а-аленький совочек.

Зад волчицы плюхнулся на траву, приготовившись ждать.

Я со вздохом стала копать землю чайной ложкой. Вот оно, спасение. В гнилом пеньке!

* * *

Зелье мы сварили быстро, несмотря на ворчанье Танатоса. Оборотень возражал, что я столько времени провожу в логове у шамана.

Должность в клане, конечно, почетная, но, по его мнению, мне надо было укреплять связи внутри стаи с другими волчицами, потому что я одна из них, ну или буду когда-нибудь. Вместо того чтобы пропадать в дебрях леса, лазить по кустам и оврагам, собирая лечебные травинки.

Шаман – важная обязанность в клане: он и проводник духов в мир иной, и глашатай предков, лекарь, советчик – все в одном лице. Ки все перевертыши уважали беспрекословно. Отсвет ее величия падал и на меня. Многие оборотни приветливо кивали мне лохматыми головами, но не все. С молодым поколением у меня не получалось сдружиться.

Часть юных оборотней презирала меня за то, что у меня не было волчат. По их мнению, я прожила в пещере с Танатосом достаточно долго, а беременностью от меня даже и не пахло.

Видно, со мной что-то не так, дружно решили они и сторонились, боясь заразиться отсутствием фертильности. Ведь если перевертыш нашла свою пару, она будет стараться за-

вести от него щенков как можно скорее и как можно больше. Тем более среди умертвий, пока запыхавшая сила любви может дать новую жизнь. Когда любовь угаснет будет поздно. Так что в компанию не выпавшихся толстозадых мамаш меня не пускали, у нас с ними были разные темы для разговоров.

Имелась еще компания молодых волчиц, только-только вошедших в брачный возраст. Но я как конкурентка и «наглая бесхвостая тварь», отхапавшая лучшего жениха, пришлось не ко двору среди них.

Они фыркали вслед носами, не желали со мной дружить, а двое особо наглых так и вовсе щелкали на меня зубами, делая вид, что хотят отгрызть кусок.

Самцы неизменно вежливо выслушивали меня, но общения у нас не получалось, я считалась самкой Тана, и любой чужак, слишком много проводивший со мной времени, мог огрести от верчелфа, а то и потерять много кусков мяса и шерсти. Я видела, как молодые оборотни драли друг друга холки под заливисто-подбадривающий вой молодых самочек, ошметки летели во все стороны.

Так что, кроме Ки, мне не с кем было водиться.

Но это не значит, что те же беременные меховые шары и молодые свистушки не приходили ко мне за помощью, когда им было надо. Они таскались даже в пещеру к Тану.

Так как я единственная человечка среди волков не трансформировалась в четвероногий вид. У меня всегда были ру-

ки и пальцы наготове, что освобождало ленивых вервольфов от перекидывания в нелюбимый ими двуногий образ.

Теперь, если надо что-либо починить, пришить, полечить, вынуть занозу и при прочих мелких делах, для которых требуются пальцы, волки клана обращались ко мне. Постепенно все, даже те, кто раньше рычал мне вслед, смирились с моим присутствием: ловкие пальцы – слишком полезная вещь, чтобы от них отказаться.

Все, кроме группы молодых волчиц во главе с черной предводительницей Айей. Она и пара ее подружек облаивала меня при каждой встрече. По слухам я поняла, что Ай метила в пещеру, которую заняла я. И на волка, с которым я сплю положила глаз очень давно.

* * *

Шаман разливала зелье по деревянным кубкам, держа черпак в зубах. Ловко это у нее получалось, многолетний опыт не пропьешь.

– Сила внутри тебя, – объяснила волчица, – надо только ее почувствовать. – Ки устало плюхнулась на мохнатый зад и выжидательно уставилась на меня всезнающими карими глазами.

Я посмотрела на волчицу, она на меня, и обе мы – на кубок.

– Что хлопаешь зенками, пей! – гаркнула Ки. – Зря я, что

ли, возилась с огнем и котлом!

Я схватила кубок и отхлебнула.

Недурно, вовсе не противно, похоже на похлебку. Овощную.

– А что это такое?

– Супчик из грибочков, которые мы нарыли под пеньком. У них особые свойства.

– Ик, – отозвалась я, глядя на пустое дно кубка. – И что теперь будет?

– Не знаю. Если не подействует, добавка твоя. – Шаман кивнула на второй кубок. Я испуганно вытаращила глаза на волчицу, но ее невозмутимость ничем нельзя было пробить.

Оборотень плюхнулась на живот, сложила лапы.

– Подождем действия. – И мы стали ждать: я – в ужасном предчувствии, а волчица, как всегда, безоблачно и с достоинством. Через полчаса ерзанья как на иголках я так ничего и не почувствовала.

Но шаман, усмехнувшись, поднялась и поманила меня за собой. В ночной тишине мы не спеша шли по дорожке, над нами светила луна, в траве стрекотали кузнечики. Лес еще не ушел на ночной покой, не заснули птицы, хоть белки и спешили в свои гнезда и норы.

Мы сели на берегу нашего любимого пруда, вдыхая ароматы трав и чистой воды, любясь светом звезд.

– Ты видишь? – спросила шаман. Я удивленно оглянулась, но ничего не увидела.

– Приглядишься к отражению, – тихо сказала волчица. – Она струится вокруг тебя и видна в свете луны.

Я посмотрела и увидела.

Косые лучи падали на нас сверху, серебра и без того седой мех оборотня, заставляя мои ладони светиться потусторонним светом.

В зеркале лесного озера за мной тянулись бесчисленные отсветы отражений. Подняв руки, я увидела, как за ними тянется шлейф повторений, каждое из них сияло. Я широко открыла измененные зельем глаза и рассматривала струящуюся вокруг пальцев силу. Оторвавшись от меня, маленькая частичка угасала, это уходящие секунды жизни.

Сила бытия выглядела, как спирали ярко-зеленого света. Они завивались в кольца и были везде, ползли по земле, толчками поднимались по стволам деревьев. Все вокруг струилось жизнью.

Она была всюду, яркая, зеленая, как листва молодого дерева, в ней не было ничего гнилостного, тусклого, как в потустороннем призрачном огне. Это сама суть, сама жизнь, без нее не будет ничего. Она была даже в темноте под поваленным деревом, под прошлогодним листком, сочилась сквозь тело ящерицы на камне, впитывалась в окаменелость и уходила в самую землю, чтобы, вновь вернувшись оттуда, питать все живущее: скалы, животных, растения – все. Дополнительно внутри всех животных около сердца горела яркая звезда души.

Ящерка, начавшая остывать, лениво глянула на меня и шустро уползла в траву, оставив на камне медленно угасшие отпечатки силы.

Я подняла руки и посмотрела на свои пылающие ладони. Они были полны сияния.

Из транса меня вывел звук, дикий и неуместный на этом торжестве абсолюта.

В кустах пищали, жалостно, отчаянно. Я посмотрела туда. Искра жизни пылала, вспыхивала и гасла, оставляя после вспышки непроглядную тьму.

– Протяни руку. Давай же, – крикнула волчица, – пока не стало поздно!

Страшное слово «поздно» заставило меня подскочить и броситься на помощь.

Поздно – это конец всего: любви, надежды, жизни.

Протянув руку над пищущим комочком, я вздрогнула: силы в нем не осталось. Искорка жизни еле-еле тлела и в любой момент могла погаснуть окончательно.

Поздно...

Зажмурившись, я дотронулась до собственного источника, увидела искру. Она горела ярко, но где-то в самой сердцевине была маленькая точка червоточины.

Моя смерть.

Поток заструился через руки, сила влилась в маленького умирающего птенчика. Искорка внутри вспыхнула и запульсировала, желтый ротик открылся и визгливо огласил

окрестности, жалуясь на голод, холод, одиночество и неудобство – верные спутники каждой жизни. Подхватив пискуна на ладонь, я посадила его обратно в гнездо.

– Это вам не магия, а кое-что похлеще... – проворчала оборотница, поддержав лохматой шеей пошатнувшуюся меня.

– Молодец, но ты только помогла. Этого недостаточно, нужно больше силы. Раздевайся, будем молиться!

Под моим фраппированным взглядом волчица с криком встала на задние лапы, выгнулась и согнулась, трансформируясь. С травы уже поднялась старая женщина с длинными до земли седыми волосами.

Я никогда в жизни никому не молилась и не умела этого делать, неужели меня ожидают пресловутые танцы голиком в лесу, потрясание бубном и зазывание на луну?

– Оголяйся, – поторопила меня старуха, – природа не любит искусственных вещей, потом наденешь шкуру своего любимого обратно.

Мне ничего не оставалось, как стыдливо скинуть единственное, что на мне надето – набедренную повязку и жилетку, из сброшенной шкуры Тана.

В лесу нет магазинов, и достать что-либо из женской одежды просто нереально. Поэтому верчелф презентовал мне несколько чудодейственных волчьих шкур. У них действительно были замечательные свойства – они грели. Невероятным образом при оголенных руках и ногах я никогда не

замерзала. Поэтому расставаться таким драгоценным подарком, ой, как не хотелось. Но у меня не было выбора.

Оголившись, я закрылась волосами. Шаман довольно кивнула и направилась в лес. Я с интересом пошла за ней: любовью поход в лес с Ки был полон сюрпризов, интересных рассказов, тонны мудрости и полезной информации обо всем на свете. Шаман слыла очень умной и знающей волчицей.

Из чащи леса мы вышли на тайную поляну, окруженную бастионом из терновых веток и кустов. Прутья переплетались так плотно, что образовывали непреодолимый заслон.

С криканием старая женщина умостила на пеньке, как раз посередине падающего лунного луча. Мне достался плоский камень, я устроилась рядом, скрестив ноги по-турецки. Старуха закрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, подняла руки кверху, приветствуя свет дамы Луны.

Всего лишь медитация? Танцев голышом не будет? – удивилась я.

«Закрой глаза, погрузись в себя», – услышала я мысленный голос шаманки и сделала то, о чем просили.

«Мы, женщины, поклоняемся одному божеству – Жизни. Мы тайные адепты вечной Богини. Она дает нам силу и власть над смертью. Ты одна из нас и готова приобщиться к нашему сестринству, став адепткой не только смерти, но и жизни.

Сила передается от матери к дочери, это власть, это возможность и право давать жизнь и отбирать. Мощь доступна

только женщинам, кем бы они ни были, из какого бы мира они ни пришли. Пресветлая Богиня и ее дар есть везде. Любая сможет получить силу в обмен на поклонение божеству жизни. Мужчине никогда не стать адептом из-за своей ограниченности.

Ты готова к посвящению, даже твое имя дано тебе в честь великой Богини, просто протяни руку и возьми то, что принадлежит по праву каждой женщине. А потом, когда придет время, передай своей дочери. У меня нет детей, поэтому я выбрала тебя из всех достойных.

Открой глаза, увидь. Жизнь струится вокруг и сквозь тебя – она везде.

Я все так же сидела на камне, закрыв глаза, но странное дело, подо мной разгорался яркий свет, и, хотя веки были закрыты, я видела струящийся поток, заливавший все вокруг своим сиянием. Яркий, сочный, дарующий жизнь, он питал окружающий мир: деревья, горы, камни, траву и животных, это было похоже на бесконечность. Вечно возрождающийся мир, замкнутая беспределность, питающая саму себя.

Умирая, сила возвращалась обратно в подземную реку жизни. Рождаясь, души выходили из стремящегося в неизвестность потока и вселялись в новорожденное. Цикл жизни и смерти повторялся. Бесконечно.

Рядом, купаясь в сиянии, сидела Ки. Шаман улыбалась:
– Теперь, когда ты получила благословение Богини, выполни задание сложнее, – удовлетворенно кивнув, сказала

волчица.

Открыв глаза, я очутилась в реальном мире, но теперь чувствовала поток жизни, без зелья и без медитации.

Мне в руки упала сухая ветка с коробочками семян.

– Разотри между ладоней и постарайся прорастить их. Они только кажутся мертвыми, сила потока содержится внутри, просто она спит. Жизнь есть везде. Разбуди ее.

Я сосредоточилась, на секунду показалось, что все получится, зерно лопнуло, из оболочки появился робкий носик корешка, и тут сила покинула меня. Ладони погасли, а семя так и осталось безжизненно лежать на ладони. Я скисла. Что-то не получалось, что-то мешало мне.

– Из тебя получится отличный шаман, – похвалила мой провал волчица.

– На самой грани ты почувствуешь ее. Сила всегда рядом, внутри. Тебя и назвали в честь божества, это ли не знак? Ты увидишь без зелья, без магии, почувствуешь поток и сможешь сделать выбор, – утешала волчица.

Уходя, я прикопала пророщенное семечко в землю.

Больше у меня подобный фокус не получался, сколько бы я ни пыталась, но случайно получился другой, о котором я буду жалеть всю оставшуюся жизнь.

По стене пещеры ползла мышка. Острохвостая дрянь подбиралась к запасам шамана. Животное добралось до первого горшка с зельем, сверкнула вспышка, серый комок свалился с полки и остался неподвижно лежать у стены.

Я прищурила глаза.

Мышке осталось жить недолго, она умирала, убитая охранным заклинанием, и ничто не могло ей помочь. Искорка внутри зверька уже не горела.

Я протянула руку и, не думая, выпитала остатки сияющей жизни в ладонь. Сразу почувствовала невероятный подъем сил, бодрость духа и какой-то неописуемый экстаз. Краски приобрели яркость и сочность, зрение и слух обострились. Я удивленно взяла мохнатый трупик в ладонь. Мышка была черной и сморщенной. Рассмотрев, я осознала: ее убила я, выпив последние капли жизни.

Почувствовав затылком взгляд, обернулась: в дверном проеме стояла Ки.

Шаман посмотрела на меня с таким упреком во взгляде, что я готова была расплакаться от стыда за содеянное. Но чувства радости и безграничного всевластия, подобно эликсиру бессмертия струящегося по моим венам, я не могла забыть никогда.

* * *

Жизнь в логове не была такой спокойной, как могла показаться на первый взгляд. Клан выбирал нового вожака. На фоне возвращения Танатоса политическая обстановка в стае стала напряженной.

Танатос – сын старого вождя – по праву сильного должен

занять место альфы в клане, но был убит и пропал без вести на многие годы.

Погоревав о покойном, нынешний глава рода принял решение усыновить племянника своего брата. Молодой волк подходил по возрасту, по крови, а также не уступал по силе пропавшему Тану.

Теперь, когда Танатос вернулся, становилось неясно, кого выберет старый вожак себе в преемники.

Споры на этот счет разгорались нешуточные. Все оборотни собрались на поляне возле пещер. Белый как снег вожак лежал возле входа в свое логово. По правую лапу от него сидел двоюродный брат Танатоса, здоровый, как теленок, вервольф Ши. Рядом – его единоутробные братья-беты.

Основным аргументом против верчелфа было то, что хоть волчий принц и вернулся, он все же мертв и не сможет оставить многочисленное потомство. Кто же будет защищать клан, как не молодое поколение? А у названного сына уже пять волчиц в логове, трое из них брюхаты, да от двух других по два выводка здоровых и крепких волчат. Все сильные как на подбор, наделены магией и легко перекидываются.

А Тан бездетен и без волчицы. Бродит по его пещере немочь бледная, магии не знает, перекидываться не умеет и волчат, кажется, рожать как не собиралась, так и не собирается.

С другого конца поляны беты волка с черной холкой дружно заржали и предложили свою помощь в производстве

волчат, вдруг у них лучше получится?

Три пары желтых глаз хищно, со смыслом уставились на меня.

Отныне надо осторожнее бродить по лесам и лугам. Есть вероятность, что эти здоровые лбы захотят атаковать Тана через меня, а я даже магии не имею, чтобы от них отбиться. Поймай они меня далеко от лагеря, я буду всецело в их власти.

Накрылись медным тазом мои длительные прогулки по лесам и долам. Теперь гулять только вместе с Ки или тайно с большими осторожностями. Не удивлюсь, если вскоре за мной будут следить прихлебатели этого черношерстного Ши.

Один из подручных осмелился подойти слишком близко и клацнуть челюстями вблизи от меня для острастки.

На что Танатос (не зря его имя переводится, как смерть) без предупреждения бросился на шутника, ловко перекувыркнувшись в волка в полете. Полетели клочки шерсти.

Я бестолково топталась рядом, уже привыкнув, что в стае оборотней между самцами все вопросы решаются на кулаках, то есть на зубах и когтях.

Белый волк меланхолично следил за дракой, Танатос, конечно же, выиграл, но это ничего не решало. Двоюродный брат вервольфа пока не стремился подставлять свою шею под укус умертвия, а только подсылал своих шестерок, прощупывая почву.

Масла в огонь подлила шаман, заявив, что, если вервольф-умертвие, это еще ничего не значит. Она сама тоже волчица-оборотень и давно мертва, но это не мешает ей выполнять обязанности шамана клана. Душа Танатоса все еще при нем, он – разумная восставшая нежить, а не бездушный, поднятый некромантом зомби. Найдет себе истинную пару, Богиня Жизни дарует ему детей и долгое счастливое существование с его половинкой.

Голос Ки пресек слаженный вздох волчиц клана.

Все молодые самки, дружно как одна выдохнув, повернули носы в сторону Танатоса. Верчелф в ужасе сделал шаг назад.

Тан не трусил ни в одной битве, не боялся ни умертвий, ни монстров Темной Империи, но сейчас ему стало страшно, как никогда. Верчелф понял: за его шкуру назначена награда. Цена: окольцевание и потеря холостого существования.

Поджав хвост, собачий принц спрятался за мои ноги.

В глазах молодых хищниц пылал азарт погони за желаемой добычей.

Вожак, не дав ответа, устало встал и пошел в свою пещеру, шаман последовала за ним, старейшины один за другим вереницей поспешили туда же. Совещаться – поняли мы.

Молодым волкам стало ясно, вожак не будет выбирать между мертвым сыном и живым племянником, альфой клана станет сильнейший.

Танатос, подойдя ко мне, ткнулся широким лбом в коле-

ни. Прошелся, как гигантская кошка, боком по ногам, прося ласки, одобрения, похвалы за выигранный бой. Получив желаемое, последовал мимо, не оборачиваясь, ему был безразличен злобный взгляд конкурента.

Десятка два горящих глаз провожали наши спины, когда мы с Таном поднимались по горе к своей пещере. Обернувшись, я увидела внизу светящиеся точки, они следили за нами, провожали до входа в логово, скользя среди скал. Ши уже приставил к нам «хвост».

Во мне зародилось смутное подозрение, интуиция подсказывала: Тан был укушен человеком и умер не случайно, нам стоит опасаться следящих из темноты.

* * *

Лунные розы растут только на плато Семи Ветров. Цветут они один раз в месяц тогда, когда мир погружается в абсолютную тьму, полную, всеобъемлющую и беспросветную, ибо свет солнца для них смертелен. И именно сейчас, в новолуние, когда на землю не попадает даже отраженный свет светила, мне приспичило их достать.

Тан уже давно обещал преподнести мне эту неземную красоту, ведь просьба волчицы для ее волка закон, и именно на это время, как назло, выпало его дежурство по охране периметра заповедного леса. А значит, от желанной добычи меня отделяет еще месяц ожидания и нетерпения.

Поэтому я решила сама их добыть сегодня, или придется тосковать по ним еще одну луну. У меня слишком много планов на эти цветы, чтобы отказаться от них.

В наше логово не попадает солнечный свет. Если цветок закатать в ткань и принести в пещеру, он сможет долго простоять, воткнутый во влажную землю, не увядая и не теряя лепестков. А может быть, даже пустит корни и прорастет. Куст призрачных роз в пещере – красота!

– Вот неугомонная! Не хочет в пещере сидеть как добропорядочная оборотница! – поприветствовала меня старая седая волчица недовольным надтреснутым лаем. Она лежала возле соседней пещеры и грелась на солнышке.

– Доброго дня, бабушка! – кинула я старухе и устремилась вниз по тропинке. Никого нет, все на охоте или на дежурстве, в пещерах остались только дети и старики, можно незаметно утечь из логова.

Раскинув руки в стороны, я бежала с холма, огибая дыры и пещеры в скалах. Из некоторых выглядывали любопытные мордочки волчат и лица оборотней. День был солнечный и чудесный, я сдерживала себя изо всех сил, чтобы на радостях не завопить на всю долину и не перебудить спящих волчат. Если маленькие дети, с таким трудом уложенные родителями на тихий час, проснутся, я огребу по полной.

Спустившись с холма, по привычке оглянулась и последний раз кинула взгляд на гору, в которой жил наш клан. Возвышенность, покрытая зеленью, так же безмолвно таращи-

лась на меня сотнями темных провалов-глаз.

Полдень, жара, все перевертыши спят в прохладной тени своих пещер. Ни с высоты птичьего полета, ни отсюда, снизу, не скажешь, что эти пещеры обитаемы. Оборотни умеют замечать следы и прятать концы в воду, именно поэтому нас еще не нашли. Для их вымирающего вида искусство быть незаметными и скрытными, присутствовать, но не быть замеченным, сродни жизни. До заката было еще несколько часов раздолья, лесов, озер и трав.

Свобода! Выбраться из логова, пусть и комфортабельного, выстеленного теплым магическим мехом и имеющим все удобства, – это настоящая радость. Потому что любая тюрьма хоть за золотой решеткой это все-таки тюрьма. Долгие часы я не спеша гуляла в сторону плато, чтобы растянуть удовольствие и насладиться одиночеством.

В лагере оборотней мы с Танатосом жили, как в осаде. За нами постоянно следили приспешники Ши. В последнее время мне доводилось выходить из пещеры только в сопровождении Тана или шамана Ки.

Верчелф очень за меня боялся, я для него как драгоценность, завоеванная и с боем отобранная у противника вервольфов – вампира. Я являлась трофеем. Оберегаемым, защищаемым, но по правилам волков-оборотней не имеющим своего голоса. Одна из самок, одна из гарема. Тан владел абсолютным правом привести в пещеру еще волчиц. Это привилегия зверя, я признавала ее за ним.

Толпы молодых и гибких волчиц вальяжно прохаживались мимо, лежали у входа в пещеру, якобы греясь на солнышке. На водопое, на охоте, в лесу, на поляне у логова, везде мы натывались на них. Внезапно я стала очень популярна среди женского населения. Мне притаскивали лечебные травы, лучшие куски мяса, и через каждые пять минут приходили с какими-нибудь просьбами: то полечить порезанную лапу, то посмотреть на вернувшегося с обрыва волчонка. Я стала популярней шамана и готова была взвыть от обилия внимания к моей персоне.

Мы опасались, что среди них могут быть шпионы претендента на место альфы клана. Поэтому от подарков я отказывалась, плату за лечение не брала, если случай был серьезным, настойчиво вела пострадавших на осмотр к Ки.

Иногда мне казалась, что Танатосу действительно надо взять еще одну волчицу в логово. Потому что с увеличением потока посетителей в нашу пещеру я уже не справлялась с приготовлением еды, уборкой и прочими ненавистными для всех мужчин делами. Узкий замкнутый мирок клана, шпионов и опасности, поджидающих на каждом углу, домашние обязанности и прочее. Я не могла больше терпеть и вырвалась на свободу.

Когда тоска, разъедающая мое сердце, становилась невыносима, Тан сжимал меня в своих крепких объятьях. Сильно, до боли, целовал, любил, и она отступала, но только на одну ночь, наутро неизменно вновь воцаряясь в сердце. Ре-

жуще, тянуще, непереносимо. Так болеть может только что-то, разбитое вдребезги. Лекарство теряло свою силу с каждой неделей и уже не помогало.

Я была безмерно благодарна за помощь Танатосу, за его неустанную заботу и грубую ласку, спасение и избавление, но я просто задыхалась в замкнутом пространстве. И когда подвернулся шанс – убежала!

Мне было плевать на то, что Танатос разозлится и будет бушевать, снося сталактиты в пещере одним ударом лапы. Что ж, в нашем логове будет просторней, щебень и камни я вымету.

Восхождение на плато далось мне с трудом.

Поэтому на вершине я оказалась к самому закату. Отсюда простирался обалденный вид. Широкое пространство, все заросшее колючими кустами. И лес, зеленый, полный жизни, тянулся до горизонта.

Небо окрасилось в пурпур, солнце послало прощальный луч, и сразу стало темно. Свод из багрового приобрел цвет густо-фиолетового свежего синяка.

Плато помрачнело, на лес опустились семерки, с последним лучом птицы оборвали свои трели, насекомые спрятались в траву. Природа уходила на заслуженный покой.

Я села на камень и принялась ждать, с нетерпением поглядывая на колючие клубки веток вокруг себя.

Призрачные розы. Они цветут в полной темноте. Скоро взойдет луна, но ее не будет видно. Абсолютная тьма.

Новолуние.

На выгнутых дугой стеблях, среди острых, как иглы, шипов набухли остроконечные бутоны, глянцевого, чернильно-черного среди темной, жучиного цвета листвы.

Все произошло очень быстро: только-только были почки, и вдруг голые ветки покрылись листьями. Это означало, что взошла луна.

Магия. Я дотронулась до зазубренного края и тут же отдернула руку: с пальца упала крупная капля крови. Я вспомнила слова одного человека: «Без своих шипов роза превращается в рабыню». Действительно, я видела, как иногда в играх волчицы показывали клыки своим самцам, мучая их и не давая им в лапы, от этого жар, полыхающий в оборотнях, разгорался жарче. Только надо быть осторожнее – может полыхнуть и тогда погибнешь в сверхновой, сметенная безумием чувств.

Так и эти розы. На отвратительных, невзрачных кустах растет сама нежность, олицетворение красоты. Но если бы цветы не прятались в переплетение острых игл, они бы не выжили и были бы уничтожены.

Бутон на ближайшей ветке шелкнул и приоткрылся, я приготовилась. Луна скоро будет в зените, и тогда поляну зальет отраженный призрачный свет.

Кто-то подкрадывался. Я обернулась инстинктивно не потому, что услышала звук, а потому, что почувствовала угрозу.

Трое. За моей спиной. Все девушки, знаки клана – ожерелья из волчьих зубов на груди, выкрашенные в красный цвет, открытые, выставленные напоказ девичьи прелести и пышные, торчащие во все стороны волосы, а сквозь них горят страшные нечеловеческие глаза.

Красные клыки – оборотни из клана Ши. Некоторое время назад все, кто присягнул ему на верность, нацепили эти побрякушки, – мимоходом отметила я.

Что им надо? Зачем они за мной шли? Поиздеваться хотят? Неужели они не понимают, что если я пожалуюсь Тану, от них не останется даже ушей и хвостов?

Одна девушка упала на колени, выгнулась и обернулась.

Я сделала шаг назад. Это уже не шутки, они принимают боевую форму!

– Если вы посмеете причинить мне вред, вам достанется на орехи! Будете отвечать и перед своим вожаком, и перед Танатосом!

– Глупая, твоему мертвому оборотню недолго осталось бродить под луной, в лесу его ждет засада. Заговоренный клинок против нежити в спину, так, чтобы он больше не поднялся и не восстал. Он не придет к тебе на помощь, не жди и не зови, это бесполезно!

Я узнала волчицу Аи по черной шерсти. Не сумев заполнить внимание Тана, тварь примкнула к Ши.

Оборотница громко рассмеялась каркающим смехом, огромная волчья пасть, полная зубов, не давала смеяться и

говорить четко. Две другие самки ударились оземь и тоже перекинулись.

– Мы убьем тебя и съедим, хоть и противно жрать что-то подобное, но останков или улик не должно сохраниться. Ты исчезнешь без следа, от тебя не останется даже костей.

– Я уже ела человечину, там, у реки, стояла сторожка рыбака, – проговорила левая волчица. – Пованивает, но жрать можно, потом все превратится в... – Волчица скорчила презрительную рожу.

– Человеческую вонь потом можно заесть пряными кореньями. Никто и не почует, кого мы съели – оленя, кабана или маленькую крысу. Пронырливую тварь, возомнившую себя невесть кем! Ни вожак, ни шаман не узнают правды. Но прежде чем есть, мы нагуляем аппетит и поиграемся! Беги, крыса, беги!

Мрак! Меня убьют, выпотрошат, раздерут на отдельные кусочки и съедят так, чтобы Тан никогда не узнал, что случилось со мной.

Первый раз в жизни моя душа ушла в пятки. Все вокруг было настоящим, построенный вокруг меня сказочный эфемерный мирок спокойствия рухнул. Клыки, когти, лес, тьма и смерть вокруг.

Никто не поможет, не придет на помощь. Танатос тоже в опасности, возможно, его сейчас так же, как меня, пытаются убить. Черные хищные тени набрасываются из-за кустов, прыгают на него, наваливаются всей кучей, не позволяя дать

отпор.

Но у него хотя бы есть чем обороняться, а я безоружна.

Мелькнуло воспоминание: широкая спина, быстрые крылья, кровавый в свете луны меч, горящий взгляд и сокрушительная безжалостность. Оружие, защита, единственная, которая была у меня в этом мире, не считая Тана. Мой фамильяр.

«Не думать, – приказала я себе, – не сейчас!»

Я встала на месте как вкопанная, примороженная страхом и неверием. В моем мозгу крутилась одна мысль: они не делают этого, не посмеют. Если когда-нибудь подобное всплывет на поверхность, им и их волчатам не жить. Оборотень клана не убивает оборотня клана.

Изгоняют – да, но не убивают. За уничтожение своего только одно – смерть рода на корню: всех, кто связан родственной кровью, не жалея ни детей, ни женщин. Неужели они пойдут против своего клана? Взгляд скользнул по окрашенным в кровь клыкам – знаку отличия.

Пойдут.

Потому, что это больше не их клан!

Правая волчица прыгнула. Инстинктивно, на одних рефлексх, я побежала. Острые клыки оторвали полоску меха от набедренной повязки, за моей спиной послышался залихватистый разноголосый вой.

Погоня началась.

Мышцы работали на износ, страх гнал меня вперед быст-

рее ветра, drobный топот лап, рычание и смешки слышались прямо за спиной.

Самки, задрав морды к небу, издали сигнальный протяжный вой: добыча скоро будет поймана.

Далеко за лесом я услышала ответный зов. «Тан, – мелькнула мысль. – Его сейчас так же, как и меня, пытаются убить».

Богиня! Не допусти!

Мимо мелькали колючие кусты. Странное дело, показалось, или ветки с приоткрытыми бутонами расступались впереди и смыкались за моей спиной, чтобы задержать преследователей? Айя и ее наперсницы продирались сквозь шипастые заросли, оставляя за собой клочки шерсти и капли крови.

Плато кончалось, впереди ущелье, круто уходящее вниз, я знаю, там тупик. Резко затормозив на краю, я обернулась. Преследовательницы выдрались из колючек и остановились.

Главная волчица, свесив на сторону язык, усмехнулась и облизала морду, предвкушая парное мясо. Она знала, что это ловушка, оборотни гнали меня именно в эту часть, внизу в туманной сырости меня ждет смерть. Узкое ущелье, острым клином спускающееся вниз с плато, гладкие, высокие стены, тихое, укромное место, где не будут искать.

«Один раз. Один только раз, ради спасения своей жизни, да простит меня пресветлая Богиня», – молилась я.

Потянувшись сознанием к светящимся искоркам внутри

волчиц, приготовилась потушить их. Я собиралась отнять у них жизнь, всю, до последней капли. Совершить зло, сознательное, запрещенное непотребство и умереть самой, предав себя. Потерять новообетенную силу, дарованную Богиней, совершив этот грех.

Энергия выглядела, как призрачная рука, протянутая от меня и вонзающаяся в тело черной волчицы.

Айя даже не видит этого, не чувствует, не ощущает, она не знает, что смерть уже держит ее сердце в своей ладони. И эта смерть я.

Испуганная до полной остановки мыслей в голове, до онемения чувств, но готовая сражаться не на жизнь, а на смерть. Я сама стала чувствовать себя животным. Хищным. Безжалостным. Какое мне дело до тех, кто слабее меня? Они всего лишь второсортные самки, им легко найдется замена! А я – альфа вожака! И если они посмеют тронуть меня, что ж, я не так беззащитна, как они надеются, смогу за себя постоять, у меня найдется для них сюрприз в рукаве!

Эти мысли пробудили в моей душе дремучие звериные рефлексy, даже волоски на руках, и те встали дыбом. Меня загнали в угол.

– Кр-р-рыса! – прорычала волчица. – Хочешь шмыгнуть от нас в норку? Надеешься спрятаться?

– Я не крыса, я человек! – выкрикнула я, а про себя добавила: «Самое опасное и смертоносное животное, способное на подлость, гадость, предательство и... Холоднокров-

ное убийство».

Что-то внутри жаждало этого, просило, надеялось и ожидало, предвкушало мое падение.

В моих зрачках отразились тысячи раскрывающихся бутонов, призрачные лепестки пропускали сквозь себя невидимый отблеск черной луны. Поляну залил яркий свет, и это стало сигналом.

Зарывав, волчица прыгнула, я сжала ее душу в своей призрачной руке, готовясь рвануть на себя, впитать до капли, напиться вволю жизненной энергией ее непрожитых лет.

«Нет! Стой! – приказала я себе. – Нельзя, остановись, прекрати! Ты погубишь и себя и Тана».

«Жизнь – это драгоценный дар. Не ты дала, не тебе отнимать. Адепты пресветлой Богини могут только созидать», – звучали в ушах набатом мудрые слова шамана, возвращая сознание.

Ты не должна, а то станешь, как тот черный маг, отступник от всего человеческого, от всего истинного. Тело твое трансформируется, душа скукожится, ссохнется, как паук, попавший в пламя свечи. Так и будешь ходить с горелым нутром, пачкая гарью все, чего коснешься, сжигая и опалая души людей своей злобой и ненавистью, мучимая вечным голодом и страхом быть пойманной и наказанной за свои деяния.

Зубы Аيي нашли мою шею. Тело с гладкой, лоснящейся, как смоль, шерстью повалило и прижало к земле, не давая дышать.

Капля крови скатилась по ключице и впиталась в каменистую почву.

Внезапно поляна преобразилась: тысячи тысяч Лунных Роз вспыхнули кровавым заревом и закурились призрачными струями. Это было похоже на каплю крови, попавшую в воду и медленно спиралями расползающуюся в ней. Розы плакали кровавыми слезами.

Оборотни заскулили, почуяв неладное. Черная волчица, не отпуская шеи, стиснутой зубами, зарычала. Она чувствовала приближение чего-то опасного. У самок шерсть на загривках разом встала дыбом, теперь и я ощутила это. Холод, просачивающийся в душу, миазмы тоски и безысходности.

Нечто быстро, неукоснительно надвигалось.

Оно здесь.

Все замерло.

Метнулась тень, и с визгом волчица отлетела в сторону. Кубарем прокатилась по земле, послышался хруст ребер, удар был нечеловеческой силы, способный нанести урон оборотню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.